

Дмитрий Владимирович Новохатский¹
Катанский университет
Факультет гуманитарных наук

КОНСТРУИРОВАНИЕ „СВЕТЛОГО ПРОШЛОГО” В „ПОПАДАНЧЕСКИХ” РОМАНАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ²

Аннотация: *Статья посвящена исследованию феномена хронопутешествия („попаданчества”) в Великую Отечественную войну в современной русской литературе. Рассматривается типология и поэтика „попаданческих” романов о Великой Отечественной войне, их отличия от классического военного романа, приемы взаимодействия с читателем. Исследуется связь „попаданчества” с криптоисторией и теорией заговора, а также тенденция переоценки исторических событий и персоналий. Популярность „попаданчества” связывается с изображением утопии, обращенной в прошлое, где „страной мечты” и образцом для построения будущего становится Советский Союз. Коррекция итогов Великой Отечественной войны является лишь предлогом для изображения „светлого прошлого” – альтернативного мира, в котором Советский Союз устанавливает мировую гегемонию и избегает распада в 1991 г. Подчеркивается, что военное „попаданчество” выполняет важную социальную функцию преодоления (пост)*

¹ dmitry.novokhatskiy@unict.it

² Ядром исследования стал анализ военных „попаданческих” циклов лауреатов вручаемой с 1993 г. премии *Интерпресскон* – наиболее престижной российской премии в области литературной фантастики – в номинации *Одиссей* (*Премия им. Звягинцева за альтернативную историю*) (вручается с 2017 г.) – Владислава Конюшевского (премия 2017 г.), Романа Злотникова (премия 2018 г.) и Алексея Махрова (премия 2019 г.). Цикл В. Конюшевского *Попытка возврата* (2008-09) состоит из четырех романов: *Попытка возврата*, *Все зависит от нас*, *По эту сторону фронта*, *Основная миссия*. Цикл Р. Злотникова и А. Махрова *Разговор с Вождем* (2015-18) также состоит из четырех романов: *Разговор с Вождем*, *Дорога к Вождю*, *Встреча с Вождем*, *Голос Вождя*. В качестве иллюстративного материала для исследования методом случайной выборки активно привлекались тексты множества других современных русских военно-„попаданческих” романов.

советской травмы, однако в то же время демонстрирует кризис новых идей развития современной России.

Ключевые слова: современная русская литература, массовая литература, (пост)советская травма, альтернативная история, „попаданчество“, утопия, Великая Отечественная война, Иосиф Сталин.

1. Введение

Как замечает Карл Поппер,

не может быть истории прошлого в том виде, как оно действительно имело место, возможны только исторические интерпретации. (...) Каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю (...) и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности (1992: 310).

Интерес к истории, который в русской культуре всегда был высок, с начала 2000-х годов приобрел новые очертания: востребованными стали темы официальной и личной памяти и их взаимодействия, ностальгии, объективности исторического знания, возможности интерпретации и фальсификации истории. Дискурс истории стал мейнстримом современной российской культуры, который активно реализуется в искусстве (литературе, кинематографе) и в повседневных культурных практиках. Более того, „литература стала восприниматься в качестве альтернативы находящейся в кризисе исторической науки, (...) произошло „олитературивание“ истории” (Trubina 2018: 438).

Можно выделить несколько причин этого явления: с одной стороны, всплеск интереса к истории – явление общемирового масштаба, связанное с постмодернистским ощущением „конца объективной истории“ и соответствующей заменой „единой истории“ на множество разнообразных, противоречивых, субъективных историй, зачастую связанных с созданием авторской мифологии. С другой стороны, в современной России интерес к истории связан с локальными факторами, прежде всего, с неоднократно освещенной в научной литературе (пост)советской травмой³: как указывают Е. Добренко

³Исследованием (пост)советской травмы занимается целый ряд смежных гуманитарных дисциплин – культурология, литературоведение, философия, политология, социология. Из последних исследований, посвященных вопросу постсоветской травмы, см.: спецвыпуск журнала *Slavonica* (2011, Volume 17, Issue 2) „Between History and the Past: The Soviet Legacy as Traumatic Object of Contemporary Russian Culture“ со статьями Евгения Добренко, Лизы Рико Вакамия, Ильи Калинина и др. ученых; из отечественных работ – Дудолодова, Мария (2014), „Ценностно-рациональные практики в постсоветском обществе как результат культурной травмы“, *Общество. Среда. Развитие*, 4 (33), 131–134; Аникин, Даниил (2014), „Травма“

и А. Щербенок, „общество и культура в России до сих пор сохраняют зависимость от советского наследия (...) практически во всех сферах продуцирования символов, от государственной идеологии до архитектуры, от элитарной до массовой литературы” (2011: 77). Трудно не согласиться с тем, что после 1991 года „новое российское государство оказалось, как и все общество, как каждый советский / постсоветский человек в ситуации самоопределения” (Govorukhina 2011: 358). Разрушение советских метанарративов и их дискредитация в конце 1980-х – начале 1990-х гг., недолгий период постсоветской „лихой” демократии, сменившийся после 1999 г. активным государственным строительством в сфере культурной политики, непрекращающийся поиск новой идентичности, – все это создает общественный запрос⁴ на целостность отечественной истории, который активно поддерживается государством.

2. Стратегии освоения истории в современной русской литературе⁵

В русской литературе последних лет с достаточной долей условности выделяются две магистральные стратегии, которые можно назвать элитарным и массовым освоением истории. Если в официальном дискурсе судьба человека служит лишь иллюстрацией глобальных исторических событий (зачастую речь идет о „поколениях”: „поколение войны”, „поколение шестидесятников”, „поколение перестройки”), то в современной литературе элитарного толка разрозненные фрагменты истории выстраиваются в целостный фон личной жизни главного героя; очевидно стремление противопоставить патетике официального дискурса интимность личной, персональной истории. В результате история переживается как личное воспоминание, а не как отстраненный рассказ. Как заметила современный прозаик Алиса Ганиева, эти романы „крутят-

памяти: стратегии конструирования в современном политическом дискурсе”, *Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина*, Т. 2, 1, 220–229; Селянинова, Гульсина (2017), „Использование концепции социокультурной травмы в процессе изучения исторической памяти и транзита идентичности советского общества”, *Историческая память и культурные символы национальной идентичности*, Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 226–229.

⁴ Мария Галина, подчеркивая неинституциональные корни этого запроса, называет его „запросом, идущим снизу”, см.: Галина, Мария (2017), „Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека”, *Новое литературное обозрение*, 4 (146), 258–271.

⁵ Под современной русской литературой в статье понимается литература последних двух десятилетий, т.е. периода ок. 2000 – до настоящего времени.

ся вокруг одних и тех же тем. Это история – личная, семейная, этническая, территориальная, – память, самоидентификация, ретроспекция” (Ganieva 2015: 234). На этом принципе построены многие знаковые произведения последних лет, номинированные на престижные литературные премии (*НОС*, *Нацбест*, *Русский букер*), – *Авиатор* Евгения Водолазкина (2016), *Зулейха открывает глаза* Гузели Яхиной (2015), *Петровы в гриппе и вокруг него* Алексея Сальникова (2016). Под маской животного эпоса этот принцип воплощен и в получившем многочисленные премии романе Григория Служителя *Дни Савелия* (2018).

В паралитературе освоение истории претерпевает изменения, связанные со спецификой массового сознания: личная или семейная история не кажется потребителю массовой литературы слишком привлекательной: она обыденна и лишена элементов тайны и приключения. Компромиссом между историзмом и запросом на развлекательность становится поэтика приобщения человека к великим делам, т.е. сюжеты, рассказывающие об участии главного героя и его сподвижников в грандиозных событиях, изменивших судьбы мира, по образцу хорошо знакомого из советской культуры революционного дискурса (например, знаменитая кинотрилогия *Неуловимые мстители*⁶). Парадоксально, однако, что в русской массовой литературе бум переживает не собственно историко-приключенческая, а альтернативно-историческая литература, в особенности „попаданчество”⁷, т.е. такая альтернативная история, где в создании

⁶ Снята в 1966–71 гг. режиссером Эдмондом Кеосаяном по мотивам повести Павла Бляхина *Красные дьяволята* (1923–26).

⁷ Из работ, посвященных альтернативно-историческому „попаданчеству” в русской литературе, см.: Галина, Мария (2017), „Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека”, *Новое литературное обозрение*, 4 (146), 258-271; Лобин, Александр (2015), *Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века*, Ульяновск: УлГТУ; Лобин, Александр (2008), *Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа*, Ульяновск: УлГТУ; Фишман, Леонид (2004), „Мы попали”, *Дружба народов*, 10, 200-208; Фишман, Леонид (2013), „Попаданческая фантастика: неузнанное выполнение ‘социального заказа’?”, *Философия образования*, 6 (51), 119-125; Novokhatskiy, Dmitry (2020), „*Non è ancora tardi: Il trauma post-sovietico e la ‘correzione economica’ della storia nella letteratura russa di massa*”, *Le forme e la storia*, XIII, 1, pp. 189-204. См. также коллективную монографию: Suslov, Mikhail and Bodin, Per-Arne (Eds.) (2020), *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia*, London: I.B. Tauris. В монографии Кирилла Королева „попаданчество” рассматривается в общем контексте поиска современной русской идентичности, см.: Королев, Кирилл (2018), *Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре. Славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве*, Москва: Издательские решения.

альтернативной реальности активное участие принимает путешественник из современного читателю настоящего – „попаданец“. Соответственно, читателю предлагается не только *пережить* вместе с героями ключевые моменты отечественной истории, но и *создать* новую историю, отталкиваясь от оценки настоящего.

Одной из непосредственных причин возникновения запроса на такую литературу является стремление российского общества максимально использовать символический капитал прошлого: современная Россия позиционируется в качестве законного наследника и Советского Союза, и Российской империи, – систем если не противоположных, то малосовместимых. В результате современная российская культура обращена в прошлое: формируется особая, гибридная реальность, „ностальзирующая“ – „жизнь, протекающая в ностальгии по советскому“ (Ivanova 2002: 89); не следует, однако, забывать о важности для массового сознания мифа о царской России, сформировавшегося в начале 1990-х. Гибридная царско-советско-российская реальность запускает парадоксальный механизм: не только прошлое и настоящее сливаются в единое целое, но прошлое через настоящее экстраполируется в будущее.

Среднестатистический россиянин – основной потребитель паралитературы – живет в „ностальзирующей“, в каждодневном переживании прошлого; опасности и проблемы исторического прошлого воспринимаются им как проблемы и угрозы настоящего. При этом, как удачно замечает К. Фрумкин, „травматический опыт советской и постсоветской истории, открывшиеся исторические факты (...) стали импульсом к активной разработке истории как летописи страданий, как мартиролога“ (2016: 21). Соответственно, исправление исторических ошибок прошлого приобретает исключительную важность для будущего страны, так как (по крайней мере, виртуально) позволяет преодолеть историческую травму: пространство исправленной истории вместо страдания и лишений предлагает радость легких побед и благоденствие. Способствует расцвету альтернативистики в России также тот факт, что прошлое в этой литературе конструируется в отличной от традиционного исторического романа манере: альтернативная история воспринимается читателем сквозь призму документальной истории и постоянно сравнивается с ней; альтернативно-исторический художественный дискурс нарочито вторичен и не самостоятелен. Речь идет о своеобразном двойном кодировании, где понятие альтернативности реализуется исключительно в случае знания читателем реально случившейся истории.

Как указывают Михаил Суслов и Пер-Арне Бодин, „парадоксальное сочетание социальных проектов будущего и романтического поиска собственной идентичности обуславливает интерес постсоветских фантастов к таким литературным приемам, как альтернативная история, альтернативная география и геополитика, теория заговора и криптоистория” (2020: 7). В реальности поток „попаданческой” (и в целом альтернативно-исторической русской литературы) создают не только состоявшиеся литераторы, но во многом и полупрофессиональные любители. Кроме значительного тиража книг, печатаемых ведущими российскими издателями (*Эксмо, Яуза, Альфа-книга*), огромное количество любительских и полублюительских „попаданческих” историй рождается в Интернете и никогда не выходит за его рамки – появился „попаданческий” самиздат; существует множество русскоязычных веб-сайтов, посвященных „попаданчеству”⁸.

Еще в 2004 г. Борис Витенберг отмечал: „Для того чтобы привлечь внимание читателей, при всем современном богатстве и разнообразии предлагаемой книжной продукции, нынче нужно, чтобы ‘альтернатива’ романа была созвучна определенным общественным настроениям. Чем более массовым, тем лучше” (Vitenberg 2004). С одной стороны, это „литература бессилия”, форма социального эскапизма, в которой невозможность повлиять на объективную реальность компенсируется усилиями по виртуальному исправлению истории. В создании и потреблении „попаданческой” литературы видится желание обывателя внести вклад в государственное дело и при этом проявить нереализованные таланты и способности, „вместо решения конкретных проблем современные писатели уходят в создание виртуальных миров, где можно жить без хлопот” (Kovtun 2011: 355). С другой – в литературе формируется утопия, востребованная обществом, однако вместо классической модели утопии, существующей в будущем или в параллельном мире, „попаданческая” утопия реализуется в прошлом.

3. Великая Отечественная война в художественной альтернативистике.

Выбор эпох, куда авторы посылают своих героев, варьирует от недавнего прошлого (например, московской Олимпиады 1980 г.) до времен языческой

⁸ Например, сайт <<http://popadanec.info>>, позиционирующий себя как *Каталог книг про попаданцев, вселенцев, зашланцев и погруженцев*; сайт <<http://www.popadanec.ru>>, предлагающий не только подробно каталогизированные „попаданческие” произведения, но и их критику; сайт <<https://popadanets.com>>; сайт <<https://popadancy.com>> и другие.

Руси, и определяется предпочтениями автора и его историософскими взглядами. Неизменной остается идея – коррекция прошлого, проводимая в жизнь усилиями „попаданца“, позволяет избежать трагических периодов в истории России (татаро-монгольское иго, Смутное время, Гражданская война 1918–20 гг.) и установить доминирование России в мире. Эта идея предопределена поляризованностью российского общества, одним из немногих факторов объединения которого выступает патриотизм, в полной мере проявляющийся в моменты внешней угрозы русской / российской / советской государственности. Первым заметным шагом властей в создании объединяющего патриотического прошлого стал перенос в 2004 году советского праздника 7 ноября – годовщины Октябрьской революции 1917 года – на 4 ноября под названием „День народного единства“; формально – в ознаменование защиты Москвы от польских интервентов в Смутное время. Однако в поистине исполинских масштабах проект объединения общества на основе патриотизма проявился в использовании символического потенциала Великой Отечественной войны 1941–45 гг., в особенности, идеи всеобъединяющей Великой Победы. Как указывает Александр Лобин, „значимость военной темы в общественном сознании России последнего десятилетия проявляется во всех сферах культуры. День Победы стал главным государственным праздником, огромным успехом пользуются акции „Георгиевская ленточка“ и „Бессмертный полк“ (2020: 9). Великая Отечественная война в современной России превратилась в ежедневную реальность, переживаемую многократно. Учитывая постоянное присутствие дискурса Великой Отечественной войны в российском настоящем и важность символического потенциала победы над Германией, не удивительно, что одним из излюбленных периодов⁹, в которые разворачивается действие „попаданческих“ произведений, является Великая Отечественная война¹⁰.

Как характерно для массовой литературы, названия военных „попаданческих“ романов весьма информативны. Среди стратегий номинации и взаимодействия с читателем – гордость за предков и приобщение к Победе (*Спасибо деду за Победу! Это и моя война* Алексея Махрова), обращение к культурному опыту читателя (*Вчера будет война* Сергея Буркатовского, *Если завтра – война*

⁹ На январь 2021 г. сайт <<http://popadanec.info>> содержит информацию о 150 произведениях, в которых „попаданцы“ изменяют историю Великой Отечественной войны.

¹⁰ Отметим, что одним из первых произведений русской литературы, где „попаданцы“ изменяют историю Великой Отечественной войны, стала фантастическая эпопея Василия Звягинцева *Одиссей покидает Итаку* (первый роман опубликован в 1978 г.).

Константина Самойлова¹¹, *Первым делом самолеты* Александра Баренберга¹²), обнажение приема коррекции истории (*Небо в огне. Штурмовик из будущего* Дмитрия Политова, *По машинам! Танкист из будущего* Юрия Корчевского, *Взрывник. Заброшенный в 1941 год* Вадима Мельнюшкина), обращение к знаковым фигурам советской истории (*Разговор с Вождем* Алексея Махрова и Романа Злотникова, *Тень Сталина* автора под псевдонимом „Комбат Найтов”, *Спассти будущее! „Попаданец” Вождя* Виктора Побережных). В русле современного переосмысления событий войны и подчеркнутого интереса к ее маргинальным проявлениям появляются книги вроде *Окруженец. Затерянный в 1941* Вадима Мельнюшкина или *Командир штрафбата* Юрия Корчевского.

В массовом сознании, к которому апеллируют авторы подобной литературы, Великая Отечественная война, несмотря на позитивный пафос победы, воспринимается как величайшая национальная трагедия, масштабы которой значительно возросли из-за ошибок советского руководства: массовых репрессий, кадровой политики Сталина в отношении войскового командующего состава и, как следствие, провальных для Красной Армии 1941–42 гг. Кроме того, в современной России не прекращаются дискуссии об историческом значении пакта Молотова-Риббентропа и о причинах неподготовленности Советского Союза к нападению Германии. Поэтому писатели-„альтернативщики” предсказуемо посылают своих героев либо в первые дни войны (июнь-июль 1941 г.) или в считанные часы до ее начала¹³.

Спасение страны в столь сжатые сроки возможно лишь благодаря прогрессорской функции „попаданца”, которая неизменно состоит не в изобретении принципиально новых агрегатов или решении научно-технических проблем, а в механическом переносе изобретений будущего в прошлое. В результате „данный жанр предоставляет широкие возможности автору заняться изложением тех или иных научно-технических сведений” (Fishman 2013: 122). Обычно перед прочтением „попаданческого” романа среднестатистический читатель знает основные вехи Великой Отечественной войны (внезапное нападение гитлеровцев 22 июня 1941 г., битва за Москву, Сталинградская битва, взятие Рейхстага), но мало знаком с характеристиками вооружения и

¹¹ По аналогии с известной повестью Бориса Васильева *Завтра была война* (1986).

¹² Цитата припева песни из знаменитого военного фильма *Небесный тихоход* (режиссер Семен Тимошенко, 1945): Потому, потому, что мы пилоты / Небо наш, небо наш родимый дом / Первым делом, первым делом самолеты / Ну а девушки, а девушки потом.

¹³ 11 июня 1941 г. – *Десантник. Из будущего – в бой* Олега Таругина, 20 июня – *Я – истребитель* Владимира Поселягина, 21 июня – *Попытка возврата* Владислава Конюшевского.

структурой советской армии. Техническая детализация повествования (виды вооружения, его преимущества и недостатки, производственные характеристики) вызывает эффект „обратного интереса к истории“ (в этом случае – истории военно-технического прогресса): ознакомление с *альтернативными* „рационализаторскими предложениями“ „попаданца“ стимулирует интерес к *реальной* истории. Этот прием реализуется в любом „попаданчестве“, однако в романах о Великой Отечественной войне он наиболее востребован. Кроме того, реализуется типичное для жанра „попаданческое двоемирие“: протагонист живет и одновременно в двух временных пластах; изображаемое альтернативное прошлое конструируется через постоянные ссылки на геополитическую актуальность автора¹⁴: изменяя историю войны, протагонист (и автор) непременно указывает, что он поступает так исключительно под воздействием знакомых ему реалий мира будущего.

4. Главный герой „попаданческого“ романа о Великой Отечественной войне.

Проводником представлений автора о прошлом / настоящем в „военном“ попаданчестве всегда является главный герой, образ которого следует определенному (достаточно противоречивому) паралитературному шаблону: „Злободневность в массовой литературе прекрасно уживается с неправдоподобностью героя, это своего рода симбиоз“ (Cherniāk 2008: 5). В военном „попаданчестве“ подчеркивается „усредненность“ протагониста: это мужчина, русский по национальности, средних лет, среднего достатка, представитель среднего менеджерского звена, обязательно холостой, не обладающий какими-либо ярко выраженными талантами и не имеющий каких-то особенных интересов, кроме компьютерных игр и путешествий на стандартные для россиян курорты (Турция, Ибица, Таиланд). Как удачно подчеркивает Леонид Фишман, „изменить историю герой может (...) благодаря своим вполне обычным для нашего времени знаниям и способностям“ (2004: 200). Главные характеристики этого героя – русский патриотизм, доходящий до абсурда¹⁵, мачизм, неприятие „европейских ценностей“ и ностальгия по Советскому

¹⁴ В историческом дискурсе изображение прошлого всегда испытывает определенное влияние настоящего; но в „попаданческих“ романах этот прием предельно акцентирован и намеренно выдвинут на первый план.

¹⁵ „Я (...) усталился на экран своего „Самсунга“ (принципиально не пользуюсь „iPhone“ – не хочу поддерживать американского производителя)” (Zlotnikov 2015).

Союзу, проявляющаяся в пространственных инвективах в адрес „Запада” и „продажной интеллигенции”, – главных виновников распада страны.

В альтернативном прошлом в главном герое внезапно раскрываются качества супермена, связанные с ранее неизвестными фактами его биографии: нынешние менеджеры и логисты с завидным постоянством оказываются уволенными в запас офицерами, десантниками, спецназовцами или, в крайнем случае, солдатами-срочниками, прошедшими „горячие точки” (Абхазия, Чечня, Осетия, в последние годы в этот список добавилась Сирия). Все эти персонажи отменно владеют приемами рукопашного боя и всевозможными типами оружия. В пафосе изображения супергероя видится не только влияние современной поп-культуры и стремление создать героя жанра „эксн” по голливудскому образцу, но и очевидное желание самореализации: важной особенностью „попаданцев” является их не востребованность в современном мире: все они *бывшие* герои, и путешествие в прошлое дает им шанс доказать Родине и самому себе свою значимость. Как заявляет Илья Лисов, главный герой „попаданческого” цикла Владислава Конюшевского *Попытка возврата* (2008–09), „себя я наконец чувствую на месте именно здесь. Появилась цель! Не какие-то мелкие торгашеские метания и бессильная тоска от невозможности что-то изменить, а настоящее дело!” (Koniūshevskii 2009b). Протагонист романа „*Попаданец*” в НКВД. *Горячий июнь 1941-го* говорит: „Во времени, из которого я прибыл, над словами „куда Родина пошлет” смеялись. Оказавшись здесь, я понял настоящий смысл этих слов” (Poberezhnykh 2012). Хронопутешествие становится для героя социальным лифтом, благодаря которому он превращается из среднестатистического гражданина в вершителя судеб мира, своеобразного Бога. Кроме того, „попаданчество” задействует стандартные механизмы паралитературы: еще до прочтения книги читатель знает, что она закончится в стиле *happy end*, и „попаданец” без особого труда выполнит все поставленные перед ним задачи. Оказавшись в прошлом, главный герой знает, „зачем он здесь и что ему надлежит сделать. (...) он может переломить ситуацию, может, поскольку знает, что, как и когда будет происходить” (Tarugin 2012).

Во многом этому способствуют приемы, заимствованные из логики компьютерной игры¹⁶: например, неограниченное число жизней (в цикле *Разговор с Вождем* главный герой после каждой своей гибели на войне снова возвращается в прошлое) или неуязвимость и способность к стремительной реге-

¹⁶ Заслуживает внимания название романа Олега Таругина *Операция „Танк времени”*. Из компьютерной игры – на Великую Отечественную (2012).

нерации органов и тканей (цикл *Попытка возврата*). Протагонист романа *Первым делом самолеты* объясняет: „Если я умру, то вернусь в тот же момент, из которого попал сюда. Поэтому я и не переживаю” (Varenberg 2011). Как указывает Кирилл Королев, авторы военно-„попаданческих” романов „переигрывают” отдельные эпизоды Великой Отечественной и войну в целом, создавая мир, в котором хочется жить; здесь, к слову, накладываются друг на друга компьютерное моделирование условной реальности и стремление к ‘лучшей жизни’” (Korolev 2018, 189). Об этом же говорит Александр Лобин: „Поэтика современных романов ‘о попаданцах’ во многом основана на принципах действия современных компьютерных игр, где активно используются сюжеты альтернативного переигрывания известных исторических событий (Lobin 2015, 272).

По этой причине на фоне изображаемых трагических событий „попаданец” выделяется своим несерьезным, нарочито игровым видением реальности, сближающим его с архетипическим трикстером. Поведение протагониста насыщено ссылками на массовую культуру современности: „попаданец” упоминает телезвезд современной России, „сочиняет” песни Владимира Высоцкого и Марка Бернеса¹⁷, воображает себя персонажами советских фильмов о войне¹⁸ и являет собой неиссякаемый источник неприличных шуток и анекдотов.

5. „Попаданческий” VS традиционный роман о Великой Отечественной войне

Жанр „экшн” не предполагает психологизма повествования; еще менее способствует ему образ супергероя, использующего фантастическое (в рамках изображаемой эпохи) оружие. Трудно согласиться с тем, что авторы подобной литературы „в первую очередь стремятся объективно исследовать и описать события Великой Отечественной войны” (Lobin 2020: 10): в отличие от канонического военного романа, где герой изображается в обстоятельствах, претендующих на реальность, в военном „попаданчестве” изображение войны лишь основывается на реальной исторической предпосылке, но не выходит за рамки фантастического ни в описании вымышленных боевых действий, ни в характеристиках нового, творимого усилиями „попаданца” мира. Поэтому

¹⁷ Марк Бернес (1911–69) – популярный советский актер и певец.

¹⁸ В особенности внимание „попаданцев” привлекает Штирлиц из культового советского телефильма „Семнадцать мгновений весны” (режиссер Татьяна Лиознова, 1973).

„попаданчество” под маской *реальной* Великой Отечественной описывает *воображаемую* войну.

Весьма спорным представляется утверждение, что „жанр альтернативной истории предполагает фантазию автора, но не должен противоречить принципу историзма” (Akhmadiev 2016). Этому принципу прямо противоречит прогрессорская установка главного героя: войну можно вести эффективнее и выиграть быстрее, используя технические достижения будущего. Так появляются романы, в которых позднесоветский танк *T-80* успешно отражает атаку немецкого танкового батальона времен войны (цикл *Разговор с вождем*), современный российский флот громит фашистов (в цикле *Морской волк победу СССР обеспечивает атомная подлодка Воронеж*), а Сталин пользуется современным ноутбуком. В „попаданчестве” история „трактруется не как объективный процесс, а как ‘контролируемый хаос’, в котором ключевую роль играет сильная личность” (Galina 2020: 57); иными словами, для „попаданчества” характерно представление грандиозных событий прошлого как результата героических действий одной личности, вследствие чего эти романы заметно отличаются и от официального „монументального” описания военных действий (где Победа показана как результат коллективных действий), и от „лейтенантской” прозы, во многом наследующей опыт „потерянного поколения”, где действие ощутимо смещено в область психологического и эмоционального. Например, в противовес традиции отечественной прозы о войне, где изображается трагедия женщины на войне¹⁹, „попаданческие” романы, рассчитанные, в основном, на читателя-мужчину, видят в женщине исключительно объект сексуального желания и безвольного исполнителя прихотей мужчины. Показателен отзыв главного героя цикла *Попытка возврата* о своей возлюбленной Хелен Фишер: „Мне только позавидовать можно. Я думал, такая послушность осталась только среди кавказских дамочек: муж бровью шевельнул – жена тут же сделала” (Koniūshevskii 2009a).

Герои второго плана в такой литературе изображены схематично, они лишены индивидуальных особенностей и согласуются с бинарным видением мира, характерным для массовой культуры: „попаданческие” романы о войне избилуют легко идущими на смерть красноармейцами (обязательно малограмотными патриотами рабоче-крестьянского происхождения), доблестными советскими разведчиками и асами, деспотичными командирами-тугодумами и их противоположностями – командирами-отцами и верными товарищами

¹⁹ Из документальной прозы – *У войны не женское лицо* Светланы Алексиевич, из художественной – *Горячий снег* Юрия Бондарева.

подчиненных. Находится место и глупым, но опасным фашистам и коварным союзникам по антигитлеровской коалиции. В качестве второстепенных персонажей неизменно присутствуют также личности, оказавшие непосредственное влияние на историю. Перечень этих исторических персонажей обычно совпадает с изображенными в советских киноэпопеях советскими военачальниками; чаще других заметную роль в развитии сюжета играют Иосиф Сталин, Лаврентий Берия²⁰ и Георгий Жуков²¹.

6. Художественные особенности „попаданческих“ романов о Великой Отечественной войне.

Неверно было бы сводить военное „попаданчество“ исключительно к примитивной эстетике боевика: красочные описания подвигов супергероя служат лишь „наживкой“ – в подавляющем большинстве случаев за фантастическим развлекательным антуражем кроется широкий спектр рассуждений, варьирующих от исторического значения пакта Молотова-Риббентропа до анализа дипломатических провалов эры перестройки и современных отношений между Россией и Польшей. Эту линию – своеобразный курс лекций по политической грамотности – можно назвать „философско-политологической“; зачастую она занимает около половины общего объема текста; неслучайно Ф. Ахмадиев называет авторов „попаданчества“ „не выдумщиками-фантастами, а популяризаторами новых знаний об истории и аналитиками истории“ (Akhmadiev 2016). Автор, пытающийся рассказать „кто есть кто“ в мировой политике и недавней истории, не может ограничиться рамками одного романа; характерная для массовой литературы циклизация в военном „попаданчестве“ проявляется в полной мере. Читателю предлагаются дилогии, трилогии и пенталогии, в которых по мере написания очередного продолжения идея спасения страны в Великой Отечественной войне оттесняется на второй план, тогда как на первый выходит идея предотвращения распада СССР в 1991 г. и сохранения статуса мировой державы.

Как следствие, стандартный текст „попаданческого“ романа о Великой Отечественной войне стилистически и содержательно не однороден: динамичные сцены сказочных подвигов главного героя (экшн) перемежаются с

²⁰ Лаврентий Берия (1899 – 1953) – советский государственный деятель, Генеральный комиссар государственной безопасности (1941), один из ближайших соратников И. Сталина. После смерти Сталина в 1953 г. арестован и расстрелян.

²¹ Георгий Жуков (1896 – 1974) – советский полководец, Маршал Советского Союза (1943). Пользовался большой популярностью в народе, был известен под прозвищем „Маршал Победы“.

детальными техническими характеристиками видов вооружения и многостраничным изложением мнения протагониста (=автора) по поводу любого сколь-нибудь значимого события мировой истории за последнее столетие. Эта композиционная структура определяет типологию „попаданца”²²: в романах о Войне заметна тенденция гибридизации „героя” с „консультантом”: фрагменты экшна связаны с подвигами „попаданца-героя”, историко-политологический дискурс – с идеей „попаданца”-консультанта”. Вступив в контакт с политическими лидерами 1940-х гг. (чаще всего – со Сталиным), протагонист не только снабжает его информацией о событиях, произошедших во время войны и после ее окончания, но и подает эту информацию с нескрываемо оценочно-субъективной точки зрения. Александр Лобин подчеркивает „отчетливый дискуссионный характер исследуемых произведений: обилие авторских отступлений, отчетливый антилиберальный и антизападный настрой, подробные описания военной техники, оружия, тактики спецслужб” (Lobin 2020: 10). Следует, однако, помнить, что „попаданец”, по авторскому замыслу, – воплощение среднестатистического россиянина, поэтому субъективность авторских оценок претендует на объективность: протагонист выступает в роли своеобразного *vox populi*, „эти книги служат не просто развлечением, а несут познавательный и воспитательный заряд” (Akhmadiev 2016).

Непосредственным эффектом этой авторской позиции является т.н. „стратегия отрицания”, корни которой выводятся из криптоистории и теории заговора, – жанров массовой культуры, близких альтернативной истории. Главный тезис этой стратегии – любая информация из советской истории, ставшая достоянием общественности в послеперестроечные годы, и противоречащая официальной советской интерпретации – откровенная ложь и „западная пропаганда”. Оказавшись непосредственно в изображаемой эпохе, герой рассказывает об истории с позиций очевидца. В парадоксальном приеме изображения исторического через фантастическое реализуется задача изобразить в художественной форме не только, что *могло бы* быть, но и как *было* на самом деле²³. Идеологическое советское наследие мыслится как нерушимое целое, противопоставленное информационному полю эпохи перестройки и правле-

²² По способу физического воплощения и выбора рычагов изменения истории выделяются „попаданец”-„паразит” (перенос в чужое тело), „попаданец”-„герой” (перенос в своем теле и самостоятельное изменение истории) и „попаданец”-„консультант” (перенос в своем теле и изменение истории через контакт с правителем).

²³ При этом совершенно не важно, что перед путешествием в прошлое протагонист черпает свои знания об эпохе, войне и вооружении исключительно из Интернета, в особенности из Википедии.

ния Бориса Ельцина; упускается тот факт, что трактовка многих исторических событий менялась в различные периоды существования Советского Союза. Полностью криптоисторической эта позиция не является, так как „заговор либералов“ разоблачается не через раскрытие тайны, а через обращение к фактам, уже известным в советское время.

7. Образ Иосифа Сталина в военном „попаданчестве“

Зачастую „возвращение“ исторической правды осуществляется в провокационной форме (что характерно для криптоистории). Обсуждение личности Иосифа Сталина и его исторической роли является одной из излюбленных тем военного „попаданчества“. Количество „попаданцев“, отправляющихся из современной России консультировать Сталина по вопросам управления страной, настолько велико, что даже вызвало появление пародий – например, рассказа Сергея Лукьяненко *Витя Солнышкин и Иосиф Сталин* (2016) или самиздатовского сборника зарисовок *Попаданец – учитель Сталина* Анатолия Матвиенко (2013, 2017). Во многих романах заметна общая для последних лет „тенденция оправдания Сталина и его политики по широкому спектру позиций. В групповом сознании уже можно зафиксировать отдельные проявления некоего модернизированного культа личности Сталина“ (Sviatoslavskii 2012: 291). Так, герой романа *Первым делом самолеты* перед первой встречей со Сталиным знает, что „все ужасы о ‘зломном тиране’, прочитанные в разнообразных статьях и книгах, надо поделить как минимум на десять“ (Barenberg 2011). В романе *Морской волк* между героями происходит следующий диалог:

– А кто у нас Сталина больше всех ругал? (...) Новодворская²⁴ и прочие „правозащитники“. Ты их словам веришь, или напомнить, что это за публика? Что они там про Россию и русских говорили? Ну а если это все вранье, так значит...

– И впрямь, [Сталин – Д. Н.] (...) „принял разоренную страну с сохой, оставил сверхдержаву с ядерн батоном“. Одним самодурством такого не сделаешь. Крут был мужик, к врагам беспощаден, но все ж человек серьезный, вполне адекватный и вменяемый (Savin 2012).

Хрестоматийным примером может служить тетралогия *Разговор с вождем* (2015–18), в которой менеджер-спецназовец чудесным образом получает

²⁴ Валерия Новодворская (1950 – 2014) – советский диссидент, основатель российской праволиберальной партии *Демократический союз*.

звонок от Сталина на мобильный телефон, а затем раз за разом совершает путешествия в прошлое и обратно, в альтернативную реальность, изменившуюся благодаря разговорам со Сталиным. Протагонист сразу дает понять свою гражданскую позицию:

Первоначально, после вакханалии разоблачений в девяностые годы, я испытывал к вождю стойкую неприязнь. (...) Потом, со временем, когда вскрылись многочисленные подлоги, я стал менять свое мнение: сперва на нейтральное, потом на нечто вроде восхищения, а чуть позже – опять попер негатив, только с обратным знаком. Слишком уж реальный вождь оказался мягким, мало преступников и предателей посадил (Zlotnikov 2015).

Чуть позже, без каких-либо колебаний, протагонист помещает Сталина среди великих правителей: „Сталин был в ряду самых сильных правителей мира и страны: Карл Великий, Иван Грозный, Кромвель, Петр Великий и... Иосиф Сталин” (Zlotnikov 2015). Образ Сталина эволюционирует параллельно развитию действия в тетралогии: из холодного и расчетливого правителя, внушающего протагонисту благоговейный страх, он становится родным и близким человеком, а встреча „попаданца” и „Вождя” описана как встреча давних друзей:

Вождь... улыбался, словно старым знакомым! Да, именно улыбался! (...) Рукопожатие оказалось по-мужски сильным. Ладонь хозяина кабинета была сухой и горячей (Zlotnikov 2017).

В цикле *Маршал* Михаила Ланцова „попаданец” в теле Михаила Тухачевского²⁵ называет Сталина „Хозяин”; в цикле *Попытка возврата* по мере развития сюжета Сталин из „Товарища Сталина” превращается в „Верховного” или попросту в „Виссарионыча”, но уже после первой встречи протагонист в полном восторге от Сталина: „В реальности я офигел от мощи этого человека” (Koniūshevskii 2008).

Нередко апологетика Сталина в рамках одного и того же текста откровенно противоречива, что несколько не смущает автора; опровержение „западной пропаганды” (прежде всего, факта репрессий) сочетается с открытой поддержкой действий Сталина, вызванных, по мнению авторов, государственной необходимостью, – т.е. подтверждением все тех же репрессий. Так, герой *Попытки возврата* проводит для читателя настоящую лекцию по опровержению факта сталинских чисток, якобы выдуманных журналистами, но затем приходит к

²⁵ Михаил Тухачевский (1893 – 1937) – советский военный деятель, Маршал Советского Союза. Репрессирован в 1937 году, реабилитирован в 1957.

выводу, что репрессии были полезны: „Под репрессии попадали и невинные люди, но дела их или уже пересмотрены, или пересматриваются. А шпионов, причём самых разных мастей, действительно была отловлена [масса]” (Кониūshevskii 2009a). В цикле открывается „правда” о необходимости борьбы Сталина против предательской партийной верхушки, неизбежности силовой организации колхозов и о пользе „сильной руки” в государстве: „Пусть в мое время и называли Виссарионича „кровавым палачом”, но он никогда никого без крайней нужды не уничтожал” (Кониūshevskii 2009b). Сходная картина наблюдается в романе А. Баренберга *Первым делом самолеты*, где тема репрессий „представлена не так однозначно, как она трактовалась ранее [в литературе „шестидесятников” – Д. Н.], поскольку у Баренберга эти репрессии во многом обоснованы” (Lobin 2015, 277–78).

В тетралогии *Разговор с Вождем* непосредственная вина за репрессии снимается со Сталина и возлагается частично на его подчиненных (Ягоду, Ежова, Жданова), частично – на население, в основном, – на интеллигенцию: „Разве от власти приходилось терпеть поношения? Нет! Доносы, помехи, подлоги – этим увлеченно занимались „друзья и коллеги”... Вовсе недаром интеллигенцию зовут прослойкой!” (Zlotnikov 2018). У главного героя *Разговора с Вождем* Сталин вызывает неприкрытое восхищение:

Вождь был орел. Всем бы подчиненным Иосифа Виссарионовича хоть толику сталинского ума – и не о чем было бы мечтать более (...) Говорят, что Сталин жесток. Это неправда. Вождь — жесткий человек, не прощающий ошибок. Ни себе, ни людям (Zlotnikov 2018).

Смерть Сталина объявляется результатом происков Хрущева и огромной трагедией, предопределившей распад СССР: „Товарищ Сталин, по большому-то счету как вас... не стало, так все и рухнуло. Не сразу, конечно, постепенно, год за годом” (Zlotnikov 2017). Соответственно, раз за разом возвращаясь в прошлое, протагонист *Попытки возврата* не только приближает Победу, но и отодвигает смерть Сталина, под руководством которого в конце концов СССР выигрывает Третью мировую войну, определившую мировую гегемонию Союза.

„Реабилитация” Сталина запускает механизм переоценки исторической роли лиц, как-либо связанных со Сталиным или со сталинской эпохой. Эта переоценка происходит по упрощенному, „зеркальному” сценарию, характерному для массового сознания и хорошо знакомому русской культуре 1990-х гг.: например, зачастую центральным антагонистом изображается Никита Хрущев (в основном, из-за своей роли в освещении культа личности Ста-

лина), которого, например, протагонист *Попытки возврата*, недолго думая, убивает во время войны. В романе „*Попаданец*” в НКВД. *Горячий июнь 1941-го* Сталин по подсказке „попаданца” устраняет Хрущева, чем вызывает восторг протагониста:

Ай да товарищ Сталин! В очередной раз убедился, что этот лидер нашей страны достоин своей славы! На развороте *Правды* за 1 октября напечатан некролог Н. С. Хрущева (...) А я, дурак, думал, арестуют и т.д. А решили-то по-умному (...) товарищ Сталин – молодец! Красиво сделал!” (Робереzhnykh 2012).

Часто весьма не лестной оценки удостоивается Георгий Жуков, традиционно считающийся „народным маршалом” и до сих пор вызывающий симпатии у населения России; старая партийная верхушка, уничтоженная Сталиным (Каменев, Зиновьев, Троцкий) оказывается иностранными шпионами и врагами собственного народа. Наоборот, сугубо положительным персонажем становится верный соратник Сталина Лаврентий Берия, который оказывается „умнейшим человеком (...) и самым лучшим хозяйственником” (Копи́ushvskii 2009a). В пафосе раскрытия правды реабилитируется даже одиозный ученый Трофим Лысенко²⁶, имя которого якобы намеренно очернили: „Его по телику называли шарлатаном и душителем советской науки. А как выяснилось, он в натуре чего-то там изобрёл, с травками-муравками, что дало сильный экономический эффект” (Копи́ushvskii 2009a).

Связь романов с криптоисторией проявляется не только в пафосе раскрытия истины, но и в насыщенности сюжетов военно-„попаданческих” романов фантастикой и мистикой, зачастую отсылающими к современному российскому масскульту (в особенности, телевидению): упоминаются эксперименты инопланетян над землянами; Москва не взята немцами в 1941 г. лишь потому, что над городом пролетел самолет с иконой Богородицы на борту; Сталин знает о прибытии „попаданца” благодаря пророчеству Вольфа Мессинга²⁷; протагонистам приходится бороться против тибетских монахов, вступивших

²⁶ Трофим Лысенко (1898 – 1976) – советский агроном и биолог. С именем Т. Лысенко связана кампания гонений против учёных-генетиков в СССР.

²⁷ Эстрадный артист, выступавший с номером „чтения мыслей”, с 1939 г. проживал в СССР. В постсоветской России Мессинг стал объектом множества легенд, превративших его в „экстрасенса советских спецслужб”. Эти легенды отражены в ряде документальных и художественных фильмов (например, 16-серийный телефильм *Вольф Мессинг: видевший сквозь время*, вышедший в 2009 г. на канале „Россия”).

в союз с гитлеровцами, а главным противником советской разведки становится нацистский мистический орден *Анненербе*.

7. „Попаданчество” как способ преодоления (пост)советской травмы

Кирилл Королев, говоря о „попаданчестве”, последовательно развивает мысль об „альтернативно-компенсирующей модели актуализации прошлого” (Korolev 2018, 186), лежащей в основе подобных произведений. Действительно, нельзя недооценивать терапевтический эффект прочтения подобной литературы: „попаданец” создает „светлое прошлое” – мир, где ему (значит, среднестатистическому россиянину) было бы комфортно жить, где (пост) советская травма никогда не могла бы случиться. Поэтому „сверхзадача” протагониста вовсе не ограничивается помощью Родине в борьбе против фашистов: главный герой спасает Советский Союз-Россию от современного кризиса. Авторы „военного попаданчества” выстраивают четкую ось: победа 9 мая 1945 г. – начало Холодной войны – развал Советского Союза, т.е. парадоксальным образом победа в войне предопределяет распад СССР. Причина проигрыша СССР в Холодной войне и современного геополитического положения России видится в неправильном поведении Сталина в отношениях с союзниками, прежде всего, с США и Великобританией, которые сумели обмануть советское руководство и подготовить почву для Холодной войны. По этой причине в „попаданческих” книгах о Великой Отечественной войне неизменно уничижительной оценки удостоиваются как бывшие соратники по соцлагерю, так и западные союзники в борьбе против Германии – Англия, Франция и США, „которые рассматриваются как ‘истинные враги’ СССР” (Galina 2020: 53) и подстрекатели войны. Неслучайно, например, в романе *Вчера будет война* Сталин незадолго до 22 июня 1941 г. замечает: „Уж больно хочется старому лису Черчиллю, да и всем прочим, побыстрее стравить нас с Гитлером” (Burkatovskii 2008).

В результате „попаданец” прилагает все усилия не только, чтобы победить Германию, но и чтобы помешать союзникам реализовать свои коварные планы. В романе *Первым делом самолеты* война, благодаря „попаданцу”, заканчивается уже в 1943 г.; во втором романе, *Вторым делом самолеты*, „попаданец” занимается созданием послевоенной карты мира, в котором нет места США. Схожий сюжет реализуется в цикле *Попытка возврата*, где „попаданец” после триумфального разгрома Германии организует начало Третьей мировой во-

ины, в которой, конечно, СССР одерживает победу. Показательно решается проблема Польши²⁸: в альтернативной истории она либо становится частью СССР, либо, по образцу прошлого, ее территория поделена между несколькими государствами.

Явная неприязнь авторов военного „попаданчества” к союзникам резко контрастирует с изображением, казалось бы, главного врага – немецко-фашистских захватчиков. Наряду с традиционными для советской культуры типажам – комедийными глупыми толстыми „фрицами” и отвратительными бездушными убийцами, „попаданчество” зачастую предлагает третий тип: высокопоставленный „прозревший” немецкий офицер, переходящий на сторону Красной Армии. Интересен даже не тот факт, что такого врага всегда вербует „попаданец”, – это объясняется требованиями жанра, а как это происходит: „попаданец” рассказывает немцу об „ужасных европейских ценностях” начала XXI века и о современном состоянии европейской цивилизации; этого достаточно, чтобы даже самый убежденный нацист решился сотрудничать с Советским Союзом²⁹. Здесь ярко проявляется типичная для „попаданчества” зависимость изображения прошлого от настоящего: миссионерская функция современной России, представляемой в противовес Западу „хранительницей традиционных ценностей”, переносится на Советский Союз времен Великой Отечественной войны.

Военно-„попаданческие” романы никогда не заканчиваются на моменте собственно Победы в войне. За изображением фантастического Советского Союза 1940-х гг. – без репрессий, с уверенно растущей экономикой, с мудрым и чутким правителем, – страны-образца для государственного строительства, следует описание альтернативного будущего СССР и всего мира, наступившего после триумфа Красной Армии в Лондоне или Вашингтоне. Некото-

²⁸ В массовом российском сознании Польша считается одним из главных проводников антироссийской политики, поэтому воспринимается откровенно враждебно.

²⁹ Приведем с некоторыми выдержками диалог „попаданца” и немецкого офицера из романа *Встреча с Вождем*: „Попаданец”: – Потомки сегодняшних солдат группы армий „Центр” (...) будут всю жизнь каяться за грехи отцов. А чтобы их покаяние выглядело правдивым – пустят к себе в страну миллионы турок, арабов, негров. И уже детишки „покаявшихся” пустятся во все тяжкие – в Гейропе начнут процветать гомосексуализм и наркомания, нация практически выродится. Настолько выродится, что, когда те самые „гости” из Африки и Ближнего Востока начнут в рождественскую ночь насиловать немок у Кельнского собора, немецкие мужчины побоятся вмешаться. А ваша канцлерин выступит потом с обличением... самих немецких женщин (...). В итоге немцев загонят в резервации, где они тихо вымрут... (...)

Немецкий офицер: – Помогите моей стране избежать того ужасного будущего, где Германией правит баба, педерасты собираются на парады в центре Берлина, а мигранты насилуют немок! И я, слово чести, буду вашим верным помощником!” (Zlotnikov 2017).

рые авторы делают акцент на послевоенной мировой гегемонии Советского Союза (*Попытка возврата, Первым делом самолеты*). Зачастую в „новом“ прошлом Красная Армия не только сражается против бывших союзников (*Вариант „Бис“* Сергея Анисимова) или проводит ядерную бомбардировку США и Великобритании, но и успешно отправляет экспедиционные корпуса в Палестину, Африку и Индию. Другие авторы предлагают мирный раздел сфер влияния, не предполагающий военной конфронтации (*Тень Сталина*), однако общей тенденцией является предотвращение Холодной войны, а также трансформация советской экономической системы. Показательна фраза Сталина из романа *Тень Сталина*, обращенная к американскому президенту Рузвельту: „Несмотря на различия в идеологии, у наших стран достаточно много общего, гораздо больше, чем разного“ (Kombat Naïtov 2016). Практически неизменно, чтобы избежать развала в 1991 г. и стать мировым экономическим лидером уже в 1950-х гг., Советский Союз сразу же после войны решительно отказывается от принципов плановой экономики и стимулирует частное предпринимательство – реформы, не имеющие ничего общего с реальным Советским Союзом. При этом, как и в случае с экономическим „попаданчеством“ в 1960-е гг., авторы военного „попаданчества“ полностью пренебрегают идеями коммунизма, от которых лидеры альтернативного СССР радостно отказываются по первой указке „попаданца“. Страна превращается в подобие США, а название „Советский Союз“ становится „брендом“, лишенным собственно советского содержания.

Дидактический пафос военного „попаданчества“ предельно обнажается в цикле *Горячий июнь* Виктора Побережных, состоящем из трех романов (2012–13). *Горячий июнь* начинается стандартно – с путешествия обывателя из современной России в начало Великой Отечественной войны и легкой победы над Германией, однако в третьем томе цикла – *Спассти будущее! „Попаданец“* Вождя временной портал открывается в обратную сторону: успешно выполнив задачи 1940-х гг., „попаданец“ решает „исправить“ российскую современность: НКВД и современные российские спецслужбы начинают активное сотрудничество, а Сталин дает советы по управлению государством современному руководству страны.

8. Заключение

Главная цель подобной литературы – изобразить модель для будущего современной России³⁰, которая, по замыслу автора, должна соединить в себе величие мировой державы, какой был Советский Союз, с развитой экономикой по образцу современных западных государств. При этом форма фантастического боевика служит для привлечения зрителя, тогда как историко-философское содержание отражает современные тенденции интерпретации отечественной истории. Показательно, что „попаданец” не пытается предотвратить Великую Отечественную войну: переживание Великой Победы, буквально „созданной” руками нашего современника, оказывает важнейший терапевтический эффект по преодолению (пост)советской травмы. Трудно не согласиться с Сергеем Лукьяненко:

Великая Отечественная война полновластно царствует на поле исторических фантазий. И это, мне кажется, симптом скорее печальный, чем обнадеживающий (...) страна не может десятилетиями жить одной, пусть даже великой, победой и все пытаться и пытаться хоть в фантазиях оказаться еще победоноснее” (Luk’ianenko 2010).

Такого же мнения придерживается Фарит Ахмадиев: „Феномен успешного развития жанра альтернативной истории в нашей литературе говорит нам о проблемах в сознании общества, когда нам кажется, что все было ясно и просто в годы ВОВ и все так запутано в современности” (Akhmadiev 2016).

За популярностью военного „попаданчества” видится отсутствие новых идей развития российского государства. „Попаданчество” создает иллюзию преодоления постсоветской травмы: вместо новой российской идентичности обновляется и корректируется советская идентичность; вместо модели России XXI века и новых стратегий развития государства в геополитических условиях современности, читателю предлагается фантастическая картина утопического советского прошлого. В „попаданческой” литературе происходит банализация и коммерциализация исторической памяти, в результате чего Великая Отечественная война из исторического события превращается в материал для самых невероятных авторских интерпретаций и вымысла.

³⁰ См. издательскую аннотацию к последней книге „попаданческого” цикла Влада Савина *Морской волк – Страна мечты* (2016), где под „страной мечты” понимается СССР, „так и не уздавший „перестройки” и капитализма”.

Источники

1. Баренберг, Александр (2011), *Первым делом самолеты! Истребитель из будущего*, Москва: Эксмо; Яуза, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id17169/read>> (последний доступ 10.05.2021).
2. Буркатовский, Сергей (2008), *Вчера была война*, Москва: Эксмо; Яуза, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id5026/read>> (последний доступ 11.05.2021).
3. Злотников, Роман; Махров, Алексей (2018), *Голос вождя*, Москва: Эксмо, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id27679/read>> (последний доступ 11.05.2021).
4. Злотников, Роман; Махров, Алексей (2015), *Разговор с вождем*, Москва: Эксмо, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id24249/read>> (последний доступ 11.05.2021).
5. Злотников, Роман; Махров, Алексей (2017), *Встреча с вождем*, Москва: Эксмо, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id25760/read>> (последний доступ 11.05.2021).
6. Комбат Найтов (2016), *Тень Сталина*, Москва: АСТ, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id24485/read>> (последний доступ 11.05.2021).
7. Конюшевский, Владислав (2009а), *Все зависит от нас*, Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id4143/read>> (последний доступ 10.05.2021).
8. Конюшевский, Владислав (2009б), *По эту сторону фронта*, Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id13172/read>> (последний доступ 10.05.2021).
9. Конюшевский, Владислав (2008), *Попытка возврата*, Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id4142/read>> (последний доступ 10.05.2021).
10. Побережных, Виктор (2012), *„Попаданец“ в НКВД. Горячий июнь 1941-го*, Москва: Эксмо; Яуза, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id17398/read>> (последний доступ 11.05.2021).
11. Савин, Влад; Царегородцев, Борис (2012), *Морской волк*, Санкт-Петербург: Ленинград, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id18419/read>> (последний доступ 11.05.2021).
12. Таругин, Олег (2012), *Операция „Танк времени“. Из компьютерной игры – на Великую Отечественную*, Москва: Эксмо, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id16847/read/>> (последний доступ 10.05.2021).

Библиография

1. Ахмадиев, Фарит (2016), „Попаданцы“ или феномен жанра альтернативной истории в современной литературе”, *Клаузура*, 11 ноября, <<https://klauzura.ru/2016/11/farit-ahmadiev-popadantsy-ili-fenomen-zhanra-alternativnoj-istorii-v-sovremennoj-literature>> (последний доступ 11.05.2021).

2. Витенберг, Борис (2004), Игры коррективщиков. (Заметки на полях „альтернативных историй“), *Новое литературное обозрение*, 2004, 2 (66), <<https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/igry-korrektivovshnikov.html>> (последний доступ 11.05.2021).
3. Galina, Maria (2020), „Ressentiment and Post-Traumatic Syndrome in Russian Post-Soviet Speculative Fiction: Two Trends“, *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia* (Eds. Mikhail Suslov and Per-Arne Bodin), London: I.B. Tauris, 39–61.
4. Ганиева, Алиса (2015), „Общество ищет образцы и модели существования и саморепрезентации“, *Дружба народов*, 1, 234–235.
5. Говорухина, Юлия; Каминский, Петр; Суханов, Вячеслав (2011), „Ностальгия по советскому в текстовом пространстве медиадискурсов“, *Ностальгия по советскому* (отв. редактор Зоя Резанова), Томск: Томский государственный университет, 358–376.
6. Dobrenko, Evgeny; Shcherbenok, Andrey (2011) „Introduction“, *Between History and the Past: The Soviet Legacy as a Traumatic Object of Contemporary Russian Culture*, *Slavonica*, 17:2, 77–84.
7. Иванова, Наталья (2002), *Ностальгическое. Собрание наблюдений*, Москва: ОАО „Радуга“.
8. Ковтун, Наталья (отв. ред.) (2011), *Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков*, Москва: ФЛИНТА
9. Королев, Кирилл (2018), *Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре. Славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве*, Москва: Издательские решения.
10. Лобин, Александр (2015), *Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века*, Ульяновск: УлГТУ.
11. Лобин, Александр (2020), „Военно-исторический роман о Великой Отечественной войне в современной русской литературе“, *Филологические науки*, 3, 8–17.
12. Лукьяненко, Сергей (2010), „Попаданцы” у Сталина“, *Известия*, 26 мая, <<https://iz.ru/news/362106>> (последний доступ 11.05.2021).
13. Поппер, Карл Раймунд (1992), *Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского, Москва: Феникс, Международный фонд „Культурная инициатива“.
14. Святославский, Алексей (2012), „Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности“, *Кризисы переломных эпох в исторической памяти* (под ред. Лорины Репиной), Москва: ИВИ РАН, 288–313.
15. Suslov, Mikhail; Bodin, Per-Arne (2020), „Introduction“, *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia* (Eds. Mikhail Suslov and Per-Arne Bodin), London: I.B. Tauris, 1–20.

16. Трубина, Людмила (2018), „Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения”, *Преподаватель XXI век*, 4-2, 429–443.
17. Фишман, Леонид (2004), „Мы попали”, *Дружба народов*, 10, 200–208.
18. Фишман, Леонид (2013), „Попаданческая фантастика: неузнанное выполнение социального заказа?”, *Философия образования*, 6/51, 119–125.
19. Фрумкин, Константин (2016), „Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти”, *Историческая экспертиза*, 4, 17–28.
20. Черняк, Мария (2008), „Массовая литература конца XX – начала XXI века: технология или поэтика?”, *Филологический класс*, 20, 4–11.

Dmitrij Vladimirovič Novohatski
Univerzitet u Kataniji
Fakultet humanističkih nauka

KONSTRUISANJE „SVIJETLE PROŠLOSTI” U ROMANIMA „PREMJEŠTANJA U VREMENU” O DRUGOM SVJETSKOM RATU

Rezime

Rad je posvećen temi „premještanja u vremenu” tokom Drugog svjetskog rata, koja se javlja u savremenoj ruskoj književnosti, pri čemu se prikazuju poetika i tipologija tih „premještanja” te njihova različitost u odnosu na klasične ratne romane, kao i strategije interakcije sa čitaocem. Naglašavaju se veze između tajne istorije, teorije zavjere i „premještanja u vremenu” te težnje da se izmijene uloge stvarnih istorijskih događaja i ličnosti. Ogromna popularnost ove tematike objašnjava se time što one stvaraju jednu vrstu utopije, smještenu u prošlost, u kojoj se SSSR doživljava kao „obećana zemlja” i model prema kome bi trebalo oblikovati Rusiju u budućnosti. Time prepravljanje ishoda Drugog svjetskog rata postaje tek podloga na kojoj se predstavlja „svijetla prošlost”, jedan alternativni svijet u kom SSSR preuzima ulogu svjetskog vođe i izbjegava slom iz 1991. godine. Podvlači se činjenica da ovi romani ispunjavaju ulogu prevazilaženja postsovjetske traume, no da istovremeno upućuju na nedostatak svježih ideja o razvoju savremene Rusije.

► *Ključne riječi*: savremena ruska književnost, masovna književnost, postsovjetska trauma, izmijenjena istorija, „premještanje u vremenu”, utopija, Drugi svjetski rat, Jozef Staljin.

Primary sources

1. Barenberg, Aleksandr (2011), *Pervym delom samolety! Istrebitel' iz budushchego*, Moskva: Ėksmo; Iāuza, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id17169/read>> (last access 10.05.2021).
2. Burkatovskii, Sergei (2008), *Vchera byla voina*, Moskva: Ėksmo; Iāuza, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id5026/read>> (last access 11.05.2021).
3. Kombat Naïtov (2016), *Ten' Stalina*, Moskva: AST, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id24485/read>> (last access 11.05.2021).
4. Koniūshevskii, Vladislav (2009a), *Vse zavisit ot nas*, Sankt-Peterburg: Leningradskoe izdatel'stvo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id4143/read>> (last access 10.05.2021).
5. Koniūshevskii, Vladislav (2009b), *Po etu storonu fronta*, Sankt-Peterburg: Leningradskoe izdatel'stvo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id13172/read>> (last access 10.05.2021).
6. Koniūshevskii, Vladislav (2008), *Popytka vozvrata*, Sankt-Peterburg: Leningradskoe izdatel'stvo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id4142/read>> (last access 10.05.2021).
7. Poberezhnykh, Viktor (2012), „Popadanets' v NKVD. Goriāchii iūm' 1941-go”, Moskva: Ėksmo; Iāuza, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id17398/read>> (last access 11.05.2021).
8. Savin, Vlad; Tsāregorodtsev, Boris (2012), *Morskoï volk*, Sankt-Peterburg: Leningrad, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id18419/read>> (last access 11.05.2021).
9. Tarugin, Oleg (2012), *Operatsiia „Tank vremeni”. Iz komp'iūternoi igry – na Velikuiū Otechestvennuiū*, Moskva: Ėksmo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id16847/read/>> (last access 10.05.2021).
10. Zlotnikov, Roman; Makhrov, Alekseï (2018), *Golos vozhdia*, Moskva: Ėksmo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id27679/read>> (last access 11.05.2021).
11. Zlotnikov, Roman; Makhrov, Alekseï (2015), *Razgovor s vozhdem*, Moskva: Ėksmo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id24249/read>> (last access 11.05.2021).
12. Zlotnikov, Roman; Makhrov, Alekseï (2017), *Vstrecha s vozhdem*, Moskva: Ėksmo, <<https://fantasy-worlds.org/lib/id25760/read>> (last access 11.05.2021).

References

1. Akhmadiev, Farit (2016), „Popadantsy” ili fenomen zhanra al'ternativnoi istorii v sovremennoi literature”, *Klauzura*, 11 November, <<https://klauzura.ru/2016/11/farit-ahmadiev-popadantsy-ili-fenomen-zhanra-alternativnoj-istorii-v-sovremennoj-literature>> (last access 11.05.2021).
2. Cherniāk, Mariiā (2008), „Massovaiā literatura kontsa XX – nachala XXI veka: tekhnologiiā ili poētika?”, *Filologicheskii klass*, 20, 4–11.

3. Dobrenko, Evgeny; Shcherbenok, Andrey (2011) „Introduction”, *Between History and the Past: The Soviet Legacy as a Traumatic Object of Contemporary Russian Culture*, *Slavonica*, 17:2, 77-84.
4. Fishman, Leonid (2004), „My popali”, *Druzhba narodov*, 10, 200–208.
5. Fishman, Leonid (2013), „Popadancheskaiâ fantastika: neuznanное vypolnenie sotsial'nogo zakaza?”, *Filosofiiâ obrazovaniia*, 6/51, 119–125.
6. Frumkin, Konstantin (2016), „Al' ternativno-istoricheskaiâ fantastika kak forma istoricheskoi pamiati”, *Istoricheskaiâ ekspertiza*, 4, 17–28.
7. Galina, Maria (2020), „Ressentiment and Post-Traumatic Syndrome in Russian Post-Soviet Speculative Fiction: Two Trends”, *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia* (Eds. Mikhail Suslov and Per-Arne Bodin), London: I. B. Tauris, 39–61.
8. Ganieva, Alisa (2015), „Obshchestvo ishchet obraztsy i modeli sushchestvovaniia i samoreprezentatsii”, *Druzhba narodov*, 1, 234–235.
9. Govorukhina, Iuliia; Kaminskiĭ, Petr; Sukhanov, Viacheslav (2011), „Nostal'giia po sovetskomu v tekstovom prostranstve mediadiskursov”, *Nostal'giia po sovetskomu* (otv. redaktor Zoiâ Rezanova), Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 358–376.
10. Ivanova, Natal'ia (2002), *Nostal'iashchee. Sbranie nabliudeniĭ*, Moskva: OAO „Raduga”.
11. Kovtun, Natal'ia (otv. red.) (2011), *Russkii proekt ispravleniia mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov*, Moskva: FLINTA
12. Korolev, Kirill (2018), *Piski natsional'noi identichnosti v sovetskoĭ i postsovetskoĭ massovoi kul'ture. Slaviânskii metasiuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve*, Moskva: Izdatel'skie resheniia.
13. Lobin, Aleksandr (2015), *Avtorskie kontseptsi rossiskoi istorii v russkoĭ literature XXI veka*, Ul'ianovsk: UIGTU.
14. Lobin, Aleksandr (2020), „Voenno-istoricheskii roman o Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne v sovremennoĭ russkoĭ literature”, *Filologicheskie nauki*, 3, 8–17.
15. Luk'ianiĭenko, Sergei (2010), „Popadantsy u Stalina”, *Izvestiia*, 26 May, <<https://iz.ru/news/362106>> (last access 11.05.2021).
16. Popper, Karl Raĭmund (1992), *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2: Vremia lzheporokov: Gegel', Marks i drugie orakuly*. Per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo, Moskva: Feniks, Mezhdunarodnyi fond „Kul'turnaia initsiativa”.
17. Sviatoslavskii, Aleksei (2012), „Transformatsiia obraza I. Stalina v kollektivnoi pamiati s 1930-kh godov do sovremennosti”, *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamiati* (pod red. Loriny Repinoi), Moskva: IVI RAN, 288–313.
18. Suslov, Mikhail; Bodin, Per-Arne (2020), „Introduction”, *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia* (Eds. Mikhail Suslov and Per-Arne Bodin), London: I. B. Tauris, 1–20.

Дмитрий Владимирович Новохатский

19. Trubina, Liūdmila (2018), „Dialog literatury s istoriei v otsenke sovremennogo literaturovedeniia”, *Prepodavatel' XXI vek*, 4-2, 429–443.
20. Vitenberg, Boris (2004), Igrы korrektyrovshchikov. (Zametki na poliakh „al'ternativnykh istorii”), *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, 2 (66), <<https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/igry-korrektirovshhikov.html>> (last access 11.05.2021).

Преузето: 8. 2. 2021.
Корекције: 13. 5. 2021.
Прихваћено: 16. 5. 2021.